

«МОДЕРНИЗАЦИЯ» И «НЕГАТИВНАЯ МБИЛИЗАЦИЯ».
КОНСТРУКТЫ И СУЩНОСТЬ

Статья опубликована в журнале
Социологические исследования, 2010, № 5, с. 3-13

Употребление понятия «модернизация» в социогуманитарном научном дискурсе связано с необходимостью следовать путем, обозначенным мировой цивилизацией. Учитывая сложность этой задачи для нашей страны, было бы ошибкой игнорировать конструкты, появляющиеся в процессе ее научного осмысления. Не меньшей ошибкой будет и стремление ограничить возможности теоретического решения проблемы инструментами и механизмами отдельной науки, не попытавшись привлечь понятия, лежащие в сфере их взаимопроникновения. Мы пытаемся проанализировать понятия «негативная мобилизация» и «негативная идентичность» через призму авторского понимания проблемы модернизации.

Негативная мобилизация. Понятие «негативная мобилизация» активно использует Л. Гудков [1], описывая феномен, под которым понимается механизм консолидации населения на основе роста «диффузного массового раздражения, страха, ненависти», сопровождаемого чувствами общности на основе появления «врага» при перспективе «нежелательного развития событий». Отмечается «крайняя неконструктивность и опасность для общества такого типа консолидации», поскольку она блокирует реальные пути выхода из кризиса. «Возникающее в результате негативной мобилизации общественное сознание представляет собой состояние моральной дезориентированности, неспособности к какой-либо практической оценке». Негативная мобилизация провоцирует цинизм, оставляет после себя «выжженное ценностное пространство», где «невозможны никакие смысловые инновации» [2].

Данное направление представлено в основном двумя авторами, но его эмпирическую основу составляют социологические исследования, качество которых не вызывает сомнения [3]. С другой стороны, отсутствует четкая теория, необходимая для того, чтобы данный эмпирический материал получил дальнейшее научное применение. Чаще всего авторы ограничиваются метафорами, мыслью о «контрмодернизации», однако отсутствует анализ и теоретическое сопоставление сущностных черт модернизационного процесса с параметрами и тенденциями современной российской культуры. Предлагаемая авторами оценка состояния современного российского общества и его культуры представляется наиболее близкой к истине, но недостаток теоретизирования, отсутствие связи с основными положениями концепции модернизации делают эти исследования узкими, а оценки и выводы – уязвимыми. В значительной мере это результат ограниченности изучаемого явления рамками социологии культуры. Подробный анализ предлагаемых понятий – впереди, пока обозначу вопросы, на которые сами по себе они не дают ответа: почему современное российское общество движется не вперед, а назад, и какова роль культуры в этом движении?

Очевидно, что понятие негативной мобилизации должно выйти за рамки социологии культуры на философский уровень. Несмотря на солидные эмпирические данные ВЦИОМ, Левада-Центра, подтверждающие наличие выделенных сторон явления в российском обществе и адекватность их оценки, философская и теоретическая разработка понятия недостаточна.

Приведу примеры противоречий в оценке описываемого явления.

Л. Гудков пишет о провале реформ последнего десятилетия, но его аргументы [2] далеко не бесспорны. Хотя большинство суждений ученого представляются справедливыми, они не верифицируются и часто носят оценочный характер. Например, результаты монетизации льгот автор оценивает негативно, но такая оценка требует оснований. На официальном уровне и в государственных СМИ реформа либо не упоминается, либо оценивается как удачная. Таковой она представляется значительной части населения и на уровне обыденного сознания. «Дело Ходорковского», по мнению автора, способствует падению морали в российском обществе [Там же]. Однако для большинства россиян это не что иное, как восстановление справедливости. Они мыслят в иной системе ценностей, и тезис о ее деградации требует доказательств. Нужен социофилософский анализ системы ценностей, который только и может продемонстрировать, действительно ли это деградация, а не цивилизационные различия, которые делают невозможным либеральный путь развития российского общества. Это тем более актуально, что большинство российских авторов склонны считать именно так.

То же касается суждений о внешней и внутренней политике России последних лет. Действия России на постсоветском пространстве предлагаются в СМИ и оцениваются, в том числе в научных статьях, как достижения и даже победы. Для тезиса о «провалах» нужны более веские аргументы, нежели оценка с точки зрения определенных политических убеждений. Нарастание в стране агрессивности политиков и чиновников, их высказывания в адрес политических противников и Запада (пятая колонна, враги России, антироссийская сущность либеральной оппозиции), тревожат и, воз-

можно, свидетельствуют о кризисе власти. Автор трактует его как кризис легитимности [там же], но парламентские и президентские выборы показали, что власть не испытывает недостатка в сторонниках, следовательно, ее заинтересованность в дополнительных механизмах легитимации не очевидна.

Иначе говоря, оценку, которую дает автор эмпирическим материалам, необходимо теоретически обосновать. Еще раз отметим: в точности, в тщательности обработки данных, в их научности мы не сомневаемся. Сборник работ Л. Гудкова «Негативная идентичность» – блестящее социологическое исследование современного российского общества [4]. Однако введенное понятие «негативной мобилизации» нуждается в теоретическом обосновании.

Описательность понятия проявляется в характере его применения. Как правило, это эмоционально и идеологически окрашенные оценочные суждения при интерпретации исторических событий. А.Ю. Левада о политических процессах в Советском Союзе в 1930-х гг. писал: «Репетиция (первая волна репрессий – середина 30-х гг. – Д.Т.) выделила некоторые существенные моменты: во-первых, поиск врага, во-вторых, негативная мобилизация, то есть мобилизация, основанная на отрицании, на ненависти, на проклятии. Как вы знаете из истории, идея состояла в том, чтобы террором ответить на террор. Сегодня это бы называлось антитеррористической операцией» [5].

Очевидна подмена теоретизирования эмоциональной оценкой и метафорами (отрицание, ненависть, проклятие), а также аналогия, для которой необходимы теоретические основания, в частности, анализ и сравнение социально-политических ситуаций в Советском Союзе 1930-х гг. и в России конца 90-х. Далее, интерпретируя реакцию России на операции НАТО против Югославии, автор говорит: «...произошла не только верхушечная, но и массовая мобилизация злости, отчуждения...» [Там же].

Очевидно, что понятие не раскрывается, теоретизирование отсутствует, преобладают эмоциональные оценки, аналогии. Нельзя сказать, что автор не понимает проблемы, однако и она ставится при помощи метафор: «...одна из наших задач – посмотреть, где висит это ружье – готовность к заряду ненависти, готовность к негативной мобилизации общества, где оно у нас висело: в нашем общественном доме или в нашей общественной душе» [Там же].

М.И. Саврушева пишет о росте цинизма и об опасностях негативной мобилизации [6], но главной причиной видит рыночные реформы и имущественную дифференциацию. Возможный познавательный эффект от некоторых позитивных моментов – опоры на эмпирический материал, объективной оценки результатов «социалистической» модернизации – сводится к минимуму определением главной причины. Неизбежно, что часть российских авторов будет вписывать понятие в антирыночный и антилиберальный контекст, и в данном случае это видно из названия работы. К наиболее негативным и опасным результатам последней трансформации российского общества автор относит «раскол между сравнительно благополучной частью населения и подавляющим большинством (около 85 %) россиян» и привыкание «значительной части наших соотечественников к бедности, включение их в культуру бедности» [Там же]. Однако, если бы единственной причиной негативной мобилизации была имущественная дифференциация, резкое снижение уровня жизни и т.н. «посттоталитарный синдром», мы бы обнаруживали это явление чаще в мировой истории: и в эпоху «Великой депрессии» в странах «благополучного капитализма» и «устойчивой демократии», и в ходе дефляции их противников – Германии, Италии, Японии – после окончания II мировой войны.

Конечно, социально-экономический фактор обозначенного явления серьезен, но не исключителен, тем более в трактовке автора. Позволю себе предположить, что отнюдь не бедность, не резкое снижение уровня жизни и усиление социального неравенства дают (даже в совокупности) это явление. Привыкание к необоснованному достатку, как представляется, – более опасная тенденция, направляющая общество к негативной мобилизации.

Отсутствие четкой разработанности понятия приводит порой к взаимоисключающим суждениям и оценкам. Так В.Г. Федотова использует понятие в диаметрально противоположном смысле [См.: 7]. При этом общая концептуальная основа автора – концепция модернизации. Здесь также преобладает антилиберальный и антирыночный контекст, однако, по сравнению с предыдущим автором, обнаруживается большее внимание к проблеме цивилизационной принадлежности России. Автор выступает против классического понимания модернизации, настаивает на ее культурно-цивилизационных альтернативах. По ее мнению, негативная мобилизация есть стратегия выживания индивида в условиях либеральных реформ. Социалистическая мобилизация де-факто выступает как позитивная, а либеральная, оставляющая человека один на один с его проблемами, – как негативная. Главным атрибутом позитивной мобилизации становится, таким образом, коллективизм, негативной – индивидуализм. «Мобилизация может быть как «позитивной» – идеология, порождающая энтузиазм, сверхусилия (мобилизацию) населения, перенапряжение сил, пафос развития, так и «негативной», как это случилось в посткоммунистических странах» [7]. Если продолжить эту мысль, то идеология Третьего рейха, породившая «энтузиазм, сверхусилия населения, перенапряжение сил, пафос развития» явится примером позитивной мобилизации.

А. Дугин использует это понятие в том же смысле, что и Л. Гудков, однако односторонне [8].

Собственной трактовки понятия он не дает; применив его к ситуации на постсоветском пространстве, объясняет им антироссийскую политику некоторых стран СНГ. «Национальной идеей стран СНГ (кроме разве что Белоруссии) является ressentiment. Даже если у них нет положительной национальной идеи, у них есть отрицательная» [Там же]. Это обоснованное замечание, им можно объяснить крайне правый поворот политических деятелей ряда стран постсоветского пространства, вплоть до открытой профашистской риторики. Однако в суждениях автора поражает односторонность: нет даже намека на то, что эта стратегия в значительной мере характерна и для современной России в отношении мирового сообщества.

Так или иначе, наиболее важная проблема разработки понятия – его не теоретическое, а в большей мере историко-интерпретационное, эмоциональное, идеологическое и описательное приращение.

Негативная идентичность. Исходным для термина «негативная мобилизация» стало понятие «негативная идентичность», также введенное в научный оборот Л. Гудковым [4]. Понятие экстраполировано из возрастной психологии, где оно означало стратегию поведения подростков в условиях кризиса идентичности [9]. В психологии под негативной идентичностью понимают способ самоутверждения подростков посредством демонстративного нарушения правил и норм. Его признаками являются выбор отрицательных образцов для подражания и вызывающее поведение.

Сущность негативной идентификации как социокультурного феномена – определение содержания коллективного «мы» через отрицание коллективного «чужого» посредством формирования образа Врага, деления мира на «своих» и «чужих», когда ответственность за собственные неудачи возлагается на коллективного «другого». Признаками негативной идентичности являются рост ксенофобии и агрессии в культурных текстах и социальных действиях, упрощение картины мира, рост влияния политической демагогии, идеологизация общественного сознания. Имеется ряд дополнительных признаков, которые выявляет Л. Гудков [10]. В современной российской культуре он не обнаруживает ценностей, способных объединить и мобилизовать общество «позитивно», что отражается в явлении «коллективного цинизма» [2]. «Консолидация русских происходит не на основе позитивных представлений, образующих основу для той или иной совместной деятельности, достижения целей, констелляции общих интересов, веры, признания значимости позитивных символов и представлений (т.е. ведущих к появлению различных гражданских ассоциаций, союзов, объединений), а на солидарности отталкивания, отрицания, демаркации» [10, с. 156]. Причина распространения данного вида идентификации – «посттоталитарное» состояние современного российского общества. Посттоталитаризм автор рассматривает не как стадию его позитивной трансформации в некое «современное» состояние, а как фазу распада тоталитаризма, функциональное нарушение режима, подобно го позднему СССР, который не мог воспроизводить себя и укреплять [2].

Понятие «негативная идентичность» часто используют в научных текстах в интересующем нас значении. Однако о степени его теоретической разработки можно сказать то же, что и о предыдущем понятии.

Н.С. Розов характеризует его как метафору, которая не может заменить теорию. По его мнению, работа Л. Гудкова выгодно отличается обилием эмпирического материала, интересным и содержательным обсуждением, однако «...за пределы исторических интерпретаций и типологизации автору выйти не удалось. Нет ни явно сформулированных гипотез, ни попыток проверки» [11, с. 63]. Органицистская метафора (разложение, гниение, деградация) с сильными оценочными коннотациями способствует переводу дискуссии из научного плана в публицистический и идеологический [Там же, с. 64].

Данное обстоятельство способствует идеологизации терминов «негативная идентичность» и «негативная мобилизация», дискредитации их как научных понятий, ставит под удар ненаучной оценки и ненаучной критики труды автора. Так, уже Н. Розов назвал книгу Л. Гудкова «мизантропической и чересчур прозападной» [12, с. 15]. В то же время он считает ее «наиболее эмпирически обоснованным, комплексным и продуманным взглядом на происходящие в современной России процессы» [11, с. 64].

Последнее заставляет обратить внимание на явление, обозначенное в понятиях «негативная мобилизация» и «негативная идентичность», и дать им устойчивую теоретическую трактовку. Теоретической основой может стать классическая концепция модернизации, тезис о незавершенности модернизации в России и выявление т.н. «механизма возврата» (иногда – «механизм порождения») поиском которого занимается ряд ученых [12]. Мы предлагаем трактовать понятие «негативная мобилизация» как *контрмодернизационную стратегию поведения общества в условиях социокультурного кризиса.*

Модернизация. Под модернизацией мы понимаем процесс исторической трансформации аграрного общества в индустриальное, происходящий у разных народов в разное время со своими историческими и культурными особенностями, но приводящий в целом к преобладанию относительно единой формы организации и функционирования общества. Данную форму характеризует индустриальная экономика, по преимуществу рыночный принцип организации производства на основе част-

ной собственности с их идеологическим и политико-правовым обеспечением. В последнее входят либеральная идеология, правовое государство, парламентаризм и конституционализм, разделение властей, равные политические права и свободы граждан. Характерные особенности культуры – толерантность, обеспечивающая мультикультурное взаимодействие, открытость к внешним воздействиям и изменениям, деидеологизация принципов и механизмов производства культурных образцов, демифологизация и десакрализация картины мира и принципов функционирования культурных институтов, рационализация и прагматизация мотивов социального поведения. Политико-правовые и культурные аспекты могут существенно отставать от технологических и социально-экономических, но в большинстве стран, завершивших или завершающих данный процесс, они либо сложились и обладают большой устойчивостью (страны Западной Европы и Северной Америки), либо проявляются в виде тенденции к формированию (на разных уровнях это страны Восточной и Южной Европы, Россия, страны Азии и Африки, Центральной и Южной Америки). Модернизация характеризуется болезненностью, конфликтностью, что вытекает из взаимоисключающих характеристик аграрного и индустриального обществ. Истоки и теоретические основы концепции модернизации восходят к идеям гуманизма и Просвещения, к теории индустриального общества и стадий развития хозяйства, собственно теории модернизации, сложившийся в середине XX в. [См.: 13]. Концепция претерпела ряд изменений, подвергалась серьезной критике, как со стороны социологии, так и со стороны философии, однако ее основные положения, на наш взгляд, сохраняют свое познавательное значение.

В основе авторского понимания процесса модернизации лежит синтез классических положений социальной философии и теории модернизации, трактовка модернизации как перехода на новый уровень взаимоотношений между природой и обществом, как более высокой дистанцированности и независимости общества от природы [14]. Сущность модернизации – интенсификация их взаимодействия, приводящая в итоге к интенсификации отношений во всех подсистемах общества. Это обуславливает необходимость уделить внимание экономической подсистеме общества как детерминирующей процесс и являющейся в нем системообразующей [15]. Экономическая подсистема является индикатором модернизационных процессов, показывающим степень трансформации общества от аграрного/традиционного состояния к индустриальному/современному (структура экономики, доля промышленности и высоких технологий, доля страны в мировом экономическом производстве, сырьевая, промышленная или высокотехнологическая ориентация экспорта, структура доходной части бюджета и проч.).

Противоречие, обуславливающее необходимость трансформационного процесса, также выявляется через взаимоотношение природы и общества, отражает противоречие между ростом потребностей и ограниченностью ресурсов и жизненного пространства. Данный механизм саморазвития – внешний по отношению к обществу, равно как механизм осуществления трансформации внутри общественной системы (технологическое и социально-экономическое движение общества) – универсален. Он действует во всех обществах независимо от культурно-цивилизационной принадлежности [16].

Это делает необходимой постановку вопроса не о культурных отличиях стран и народов, якобы делающих их модернизацию невозможной, тем более, не об «особом пути» развития, а о теоретическом разграничении сфер общего и особенного, что может быть обозначено как «собственно социальное» и «культурное». Предполагается, что процессы, происходящие в «собственно социальном» (экономика, право, политика), – универсальны, культурные процессы – уникальны и обеспечивают культурную неповторимость конкретного общества. Поскольку детерминанты и механизмы трансформации находятся в сфере «собственно социального», культурный комплекс не является ни ключевым фактором, ни достаточным препятствием. Исторически подчиненное положение культурного комплекса может быть выявлено при трактовке культуры с позиций материализма и теории отражения. Эта же методология делает бесперспективными «культурологические» подходы к проблеме модернизации и лишает теоретических оснований идеи «особого пути» [Там же]. Тезис «развитие на собственной основе» имеет смысл только в случае, если под «основой» понимают элементы культурного комплекса, одна из функций которого состоит в обеспечении преемственности развития. Возможно такое развитие только при свободной модернизации «снизу». То же можно утверждать об «этанитарных» моделях модернизации. Модернизацией можно назвать только объективно происходящие «снизу» процессы свободной социальной трансформации, приводящие к формированию индустриального общества. Если говорить об этатизме и политике государства в процессе модернизации, то только как о стратегиях модернизации [17].

Есть основания сомневаться, что факторами сдерживания модернизацию России до настоящего момента являются культурные, ментальные особенности российского общества, либо «правильный» или «неправильный» политический курс. Таким единственным фактором является наличие почти неограниченных природных ресурсов, не активизирующее механизм модернизации. Напротив, ускоренный модернизационный процесс в Китае, странах Юго-Восточной Азии и Японии, а также Западной Европы, начиная с XI – XII веков, обусловлен наличием географической стесненности и недостатком ресурсов для продолжения экстенсивного типа хозяйствования, чем и является аграр-

ное общество.

Модернизация есть объективно конфликтный процесс, политически содержащий периоды революций и гражданских войн, социально – тяжелые социально-экономические потрясения и болезненные процессы распада старых и формирования новых общественных классов. Модернизация неизбежно вызывает сопротивление самой общественной системы, ее отторжение трансформирующимися социальными группами и реакционными политическими силами. При возможности продолжения экстенсивного производства остается угроза контрмодернизационного поворота как посредством «консервативной революции» (фашизм, коммунизм), так и посредством относительно мирного изменения политического курса (прогрессирующий этатизм).

Обе эти тенденции могут быть выявлены при анализе внутри- и внешнеполитического курса. Их содержанием будут: свертывание или приостановка либеральных реформ, давление на собственника и СМИ, государственное вмешательство в рыночные отношения, нарастающая конфронтация с внешним миром, усиление политической роли военных и спецслужб, формирование образа врага посредством СМИ и системы образования. Глубокая конфликтность и сложность происходящего обусловливается тем, что инициируют контрмодернизационный поворот не конкретные «антидемократические» силы или политики, а большая или значительная часть трансформирующегося общества. Это обнаруживается в дискредитации ценностей свободы и демократии, собственности и экономической независимости, поддержке снизу государственного влияния, росте активности экстремистских организаций и движений правого и левого толка.

Негативная мобилизация как контрмодернизационная стратегия. Если конечной причиной срывов модернизации России являются запасы природных ресурсов и географическое пространство, не обуславливающие необходимость перехода к интенсивной стратегии хозяйствования и организации общественной жизни, необходимо говорить о социокультурном механизме, который на очередном витке либеральных преобразований (1861 – 1917 гг., 1985 – 1999 гг.) производит реакцию и «откат» к прежней форме организации общества и производства. Предполагается, что *таким механизмом является социокультурная подсистема общества, находящаяся внутри общественной системы, представленная социальными акторами (классами, стратами, группами, конкретными лицами), идеологиями, тяготеющая к прежним принципам, механизмам и структурам организации общества, возвращающая их к жизни при определенных условиях.* Кризис современной российской культуры как следствие фундаментальной неспособности репродуцировать отношения на уровне развитого индустриального общества самым естественным образом порождает отторжение этой новой формы общественных отношений. Процесс отторжения обнаруживается в негативной мобилизации, признаки которой выявляются из противопоставления индустриального и доиндустриального обществ, а также обществ незавершенной модернизации, к которым относится по ряду параметров современная Россия. Они выражаются в:

- тенденции к самоизоляции страны, имперской внешнеполитической доктрине; росте влияния военных и силовых структур при одновременном снижении авторитета науки, искусства, частного предпринимательства;
- эскалации политического и культурного насилия, росте национальной и расовой нетерпимости, преобладании силового способа решения проблем в обществе, в том числе на политическом уровне;
- явном или скрытом отрицании или ограничении демократической формы управления и федерализма; возрождении «коллективизма» и ограничении свободы личности; снижении социальной, экономической и политической активности населения;
- ухудшении общего экономического положения (не уровня потребления!) в плане ориентации национальной экономики на экспорт сырья и ресурсов, снижения в ней доли промышленного производства и НИОКР;
- отрицании или ограничении рыночных механизмов в экономике, тенденции к восстановлению принципов и механизмов командно-административной государственно-дистрибутивной экономики.

Эти тенденции жизни общества в разной мере отражены в культуре:

- дискредитация рынка, рост эгалитаристских выступлений, призывы к перераспределению, критика «западного пути» развития экономики, рост попыток обоснования «особого пути» развития российской экономики;
- рост иждивенческих настроений, жалоб, объяснение экономических трудностей внешними причинами (климат, правительство, враги и проч.);
- коллективный цинизм, отрицание универсальных ценностей, представление окружающего мира как «обители зла», безнравственности, беспринципности, тяга к ситуации «осажденного лагеря»;
- дискредитация Запада, формирование в его лице образа Врага и рост его значения в общественной динамике; рост «патриотических» настроений и текстов, «патриотических» мотиваций неэкономического поведения;

- актуализация темы Великой Отечественной войны как позитивного исторического примера негативной мобилизации, фальсификация или однобокая трактовка истории, ее сакрализация, попытки пресечения научной дискуссии по проблемам истории административными методами;
- нарастание военной и «силовой» тематики в искусстве, литературе, явная или скрытая замена высших духовных ценностей национально-патриотическими; подмена эстетических задач искусства идеологическими;
- в науке: подмена научного содержания текстов идеологическим, попытки «научного» обоснования «особого пути», при которых наука утрачивает ценность и роль самостоятельной формы познания действительности;
- дискредитация демократии и правового государства, идейные обоснования авторитаризма.

Если данные тенденции будут обнаружены в современном российском обществе и его культуре, понятие «негативной мобилизации» обретет четкий смысл и будет нуждаться в разработке на уровне теории. Пока обратим внимание на экономический аспект проблемы.

Состояние российской экономики – индикатор модернизации. Казалось бы, очевиден успех последнего десятилетия. По данным 2007 г. Россия входит в «десятку» экономик по объему ВВП: 3% мирового ВВП, 8-е место в «десятке» [18]. Однако вызывает озабоченность качество экономического роста [19, с. 76]. Экономисты все чаще обращают внимание на другие показатели российской экономики, более полно отражающие ее уровень и состояние, высказывая озабоченность. 40 % бюджета РФ формируется из сырьевых отраслей, нет сдвигов в соотношении обрабатывающей и добывающей промышленности [Там же, с. 77]. В 2006 г. доля экспорта нефти и газа в структуре российского экспорта составила 62,7 % [20, с. 36]. Обрабатывающая промышленность испытывает серьезные затруднения, ее значительная часть неконкурентоспособна на международных рынках и выдерживает конкуренцию лишь внутри страны [Там же].

Неутешительны и прогнозы, несмотря на стремление властей демонстрировать факт принадлежности страны к числу динамично развивающихся экономик мира. Ресурсно-сырьевая направленность российской экономики не позволяет выдерживать паритет не только с ведущими, но и с развивающимися странами даже в области ВВП, не говоря уже о высоких технологиях, конкурентоспособности и производительности труда. Так, доля высокотехнологического сектора в общем объеме ВВП в 2006 г. составила: США – 50,4%; ЕС – 45,3; Япония – 63,9; Бразилия – 25,3; Китай – 47,6; Индия – 15,2; Россия – 3,9 [Там же, с. 34].

Приведу некоторые из оценок: «...несмотря на положительную динамику ряда индикаторов (ВВП, федеральный бюджет, золотовалютные резервы, государственный долг), по важнейшим качественным индикаторам в социальной сфере, образовании, науке и инновациях существенного улучшения не происходит» [21, с. 125]. «... уровень производительности труда на предприятиях обрабатывающей промышленности России отстает не только от развитых стран Европы, но и от стран Центральной и Восточной Европы и от многих развивающихся стран, таких как Бразилия или ЮАР» [22, с. 7]. «...увлечение административными методами управления экономикой, акцент на наращивание добычи углеводородов ... могут оказаться тормозом экономического развития» [23, с. 76]. «Экономический рост остается пока преимущественно количественным» [24, с. 9].

Однако существует ли адекватное понимание самой сути проблемы и возможно ли оно в рамках исключительно экономических исследований? Ведь нельзя сказать, что проблема не осознается ведущими экономистами и политиками: «Модель прошлых восьми лет уже исчерпала себя. Россия не наращивает глобальную конкурентоспособность, структура экспорта заморожена, а рычаги экономического роста носят локальный характер» [21, с. 124]. «...государство продолжает действовать по логике «рост любой ценой»; несмотря на экономический бум и связанную с ним инфляцию, правительство продолжает «подхлестывать» рост при помощи бюджетных вливаний» [24, с. 9]. Но, в отличие от большинства авторов, главным следствием притока «легких денег» в экономику мы считаем не рост инфляции и даже не торможение институциональных реформ, а снижение экономической активности, затрагивающее практически все сферы общества – экономику, политику, образование, науку.

Исследование модернизационных процессов в разных странах свидетельствует о том, что любой экономический рост, любой технологический скачок, пусть даже он будет называться «инновацией», является не результатом усилий государственных властей «сверху», а следствием роста добровольной экономической активности «снизу». Но именно такой активности в стране не наблюдается. Помимо повседневных наблюдений за мотивами поведения людей (студентов, аспирантов, рабочих, служащих), об уменьшении экономической активности говорит снижение показателя раннего предпринимательства (за 2007 – 2008 г. – он сократился вдвое [25, с. 97]). И что особенно показательного, происходит это на фоне улучшения макроэкономических условий для предпринимательского старта [Там же, с. 106]. Отсутствие стимулов к социальной предпринимательской активности напрямую связано с наличием в стране «легких денег» от продажи ресурсов и распределения их госаппаратом. И без социологического анализа видна тенденция: бум предпринимательской активности, который имелся в стране в 1990-х годах, сегодня практически утрачен. Для молодежи становится все бо-

лее непривлекательным организовывать собственный бизнес и брать на себя риски и ответственность, особенно на фоне растущих зарплат, льгот и латентных возможностей и власти «силовиков» и чиновников. Куда проще получить диплом об образовании (не само образование!) и занять место в структуре госаппарата, получив доступ к распределяемым в стране нефтедолларам.

Что же ждет нас при таких темпах снижения деловой активности хотя бы в области высоких технологий, на которую более всего рассчитывает нынешняя власть? При нулевой активности снизу, при тотальной не востребоваемости продукции НИОКР современной российской экономикой вложенные в инновации средства будут просто потеряны. Произойдет то, что происходило с попытками «ускорения» и «научно-технической революции» в поздней советской экономике – результаты этих усилий и капиталовложений будут видны только в отчетных документах и в заявлениях официальных СМИ. Даже если инновационный сценарий будет осуществлен, что весьма маловероятно, он не решит проблемы хронического отставания российской экономики. Даже если такие технологии появятся, они будут касаться исключительно узких сфер, имеющих государственную значимость – атомной энергетики, космоса, вооружений, – но не широкого рынка товаров и услуг – основы современной экономики. Но произойдет это не потому, что неверно избран путь развития и экономической политики, а потому, что невозможен в принципе вообще никакой путь вне формирования современного общества. Мы вновь возвращаемся к высказанной нами мысли о том, что не технологии или «правильная» экономическая политика решают проблемы социальной трансформации аграрного общества в индустриальное. В силу действия *закона минимальной трансформации обществ* (всякое общество трансформируется ровно настолько, насколько это необходимо), следует говорить не о том, почему происходит рецидив, а о том, что позволяет продолжать существовать обществу в прежней экономической форме.

Ресурсы как фактор негативной мобилизации. Необходимо обратить внимание на явление экономической жизни, называемое «ресурсным проклятием». Только оно объясняет парадокс отсутствия качественных сдвигов в экономике при росте количественных показателей. Оно указывает на главную причину стагнации экономики России и ее институтов, поскольку обнаруживает механизм взаимозависимости социальных, экономических, политических процессов с природной основой общества. Пока мы говорили о модернизации как интенсификации взаимодействия природы и общества исключительно в рамках философии [14, 15, 16]. Разработка понятия «ресурсное проклятие» в экономической науке дает возможность использовать ее потенциал для обоснования социофилософской интерпретации, являющейся синтезом либерального варианта концепции модернизации и экономического детерминизма. При этом мы настаиваем на «классической» трактовке концепции модернизации и на ее интерпретации как интенсификации взаимодействия природы и общества: только в этом случае станет очевидно, что «заметные элементы стабильности» последних десяти лет истории России являются элементами стагнации.

Такая оценка идет вразрез с пропагандой официальных российских СМИ, заявлениями политического руководства страны и оценками ученых-государственников, которым свойственно положительно оценивать суммарный рост ВВП, увеличение уровня удовлетворения материальных потребностей, активизацию внешней политики России последнего десятилетия. Для них модернизация – увеличение количественных показателей в экономике и усиление государства. Если же модернизация есть радикальная общественная трансформация, ведущая к интенсификации взаимодействия природы и общества, то в первую очередь нас должна интересовать степень качественной трансформации российского общества в сторону рыночной экономики, гражданского общества и правового государства. Однако и количественные показатели экономики могут продемонстрировать, является ли современная Россия страной завершенной модернизации, и внесло ли последнее десятилетие положительную динамику в этот процесс. Тот же объем ВВП, на увеличении которого в последнее десятилетие основаны позитивные прогнозы политиков и экономистов-государственников, а также теоретизирования интеллектуалов по поводу «самобытного развития», может показать другое. Его величина на 1 кв. км. территории страны в 2007 г. составила: в США – 1408,8 тыс. долл., в странах ЕС – 4843,0 тыс. долл., в Японии – 11602,3 тыс. долл., в России – 75,4 тыс. долл. [21, с. 130].

Понятие «ресурсное проклятие» было введено в научный оборот, когда мир столкнулся с парадоксом значительного падения уровня жизни в странах – экспортерах нефти в 1970–80-х гг. [26, с. 61]. Тогда в связи с ростом цен на нефть сверхоптимистические ожидания политических элит этих стран сменились разочарованием [27, с. 4]. В течение двух с лишним десятилетий с момента установления «нефтяного эмбарго», приведшего к резкому росту цен на нефть, показатель ВВП на душу населения в странах ОПЕК снижался в среднем на 1,3 % в год, тогда как в остальных развивающихся странах он рос в среднем более чем на 2 % в год [26, с. 61]. В 1975 г. один из основателей ОПЕК писал о всплеске коррупции, растрате ресурсов и разрушении общественного сектора как о следствиях ресурсного изобилия [27, с. 4]. Последовали широкие исторические сопоставления в межстрановых исследованиях. Ученые обратили внимание на ускоренное интенсивное развитие бедных ресурсами Нидерландов по сравнению с Испанией в XVII в. и Японии по сравнению с Россией в конце XIX – нача-

ле XX в. [26, с. 61]. Был сделан вывод о том, что страны, в экономике которых доминируют природные ресурсы, характеризуются низкими темпами экономического роста [Там же, с. 74].

В последующие годы эта идея развивалась, осуществлялись попытки ее ревизии, некоторые выводы уточнялись, но неизменным оставалось одно – ресурсное изобилие не оказывает благотворного влияния на развитие рыночной экономики. А там, где эта экономика находится в процессе становления, может повернуть этот процесс вспять. «Ресурсное проклятие» связано с закономерностями развития политических и экономических институтов. Оно поражает в первую очередь те страны, в которых институты не развиты. ...его основной механизм – дальнейшее разрушение институтов» [Там же].

Этот вывод, сделанный в рамках экономической науки, требует осмысления в контексте междисциплинарной проблемы модернизации. Продажа ресурсов в больших объемах является замещением индустриализации как технолого-экономической составляющей модернизации и развития институтов и субъектов капитализма как ее социально-экономической составляющей. За этим следуют процессы торможения и ограничения политико-правовых составляющих современного общества – демократии, федерализма, свободы слова. На уровне эмпирической теории выявлена взаимозависимость таких процессов, как увеличение сырьевой направленности экономики и ограничение свободы слова и демократии [28]. Отсюда и культурные и идеологические проявления: утверждение идеологии исключительности, нарастание конфронтации с Западом, великодержавный шовинизм и культурная нетерпимость, имперские амбиции и стремление к силовому решению политических проблем. Все это – восстановление экстенсивного типа хозяйствования, характерного для стран доиндустриального уровня развития.

Заключение. Производительность труда в промышленности России в 1992 г. составляла 17% от производительности труда в США, 26% – Германии, 21% – Франции, 32% – Великобритании, на момент 1998 г. соответственно: 12, 18, 16, 23% [29]. На сегодняшний день ситуация не изменилась. Разрабатывая понятие «негативная мобилизация», Л. Гудков пишет, что данный феномен не может быть понят в рамках «трансформационных исследований» [2], имея в виду транзитологию. Но не все трансформационные исследования трактуют политическую модернизацию как процесс, который обязательно завершится, если не полной либерализацией общества, то через диктатуру – утверждением демократии и правового государства. Данное суждение правомерно только в случае, если иметь в виду лишь трансформацию политической системы. Наша задача – создать теоретический синтез, который захватит все сферы общества. Этот синтез – понимание модернизации как комплексного процесса исторической трансформации аграрного общества в индустриальное. Экономика здесь покажет то, что нельзя передать другими аргументами, например, апелляцией к ценностям и преимуществам свободы и демократии, которые для большинства россиян ни тем, ни другим не являются. Если же говорить об экономических показателях, а в них – о тех, что связаны с экономической и социальной активностью, они демонстрируют отсутствие позитивных сдвигов в социальном развитии, подтверждая наличие контрмодернизационной стратегии негативной мобилизации со всеми ее атрибутами – ростом коллективного цинизма, иждивенческих настроений, упрощения культурной картины мира, ростом ксенофобии и великодержавного шовинизма на почве идеологии «передела мира».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудков Л.Б. Феномен негативной мобилизации // *Общественные науки и современность*. 2005. № 6. С. 46 – 53.
2. Gudkov L. Rußlands Systemkrise: Negative Mobilisierung und kollektiver Zynismus // *Osteuropa* 1/2007. S. 3 – 15.
3. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997 – 2002 гг. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ – А», 2004; Гудков Л.Б. Феномен негативной мобилизации; Gudkov L. Rußlands Systemkrise: Negative Mobilisierung und kollektiver Zynismus; Дубин Б. Другая история: культура как система воспроизводства // *Отечественные записки*. 2005. № 4; Дубин Б. Границы и проблемы социологии культуры в современной России: к возможностям описания // *Вестник общественного мнения*. 2008. № 5. С. 18 – 32.
4. Гудков Л. Негативная идентичность.
5. Левада А.Ю. Наследие советского человека. Доклад участника Междисциплинарного семинара “Советский Союз и советское общество - что это было?” 1 декабря 1999 г. <http://memory.sakharov-center.ru/projects/ussr-museum/seminar2.htm>
6. Саврушева М.И. Социально-экономические издержки реформирования российского общества // Конгресс История и культура народов Азиатской России. 2007 г. <http://kulgor.narod.ru/kongress/savrusheva.html>.
7. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. – М., 1997; Федотова В.Г. Неклассические варианты модернизации и альтернативы модернизационной теории // *Вопросы философии*. 2002. № 12. С. 3 – 21.
8. Дугин А. СНГ: инструмент дальнейшего расхождения и негативной мобилизации. 25.08.2003. <http://www.centrasia.ru/news>
9. Эрикссон Э. *Детство и Общество*. СПб.: Речь, 2000.
10. Гудков Л. Структура и характер национальной идентичности в России // *Негативная идентичность*, с. 121 – 168.
11. Розов Н.С. *Историческая макросоциология: методология и методы: Учеб. пособие / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2009.*
12. Розов Н.С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // *Полис*, 2006. № 3. С. 8 – 28.
13. Aron R. *18 Lectures on Industrial Society*. London: Weidenfeld and Nicholson, 1968; Lerner D. *Technology, communication and change // Communication and change: The last ten years-and the next*. Honolulu, 1978. Pp. 287 – 301; Lerner D. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. Glencoe, IL: Free Press, 1963; Rostow W. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.
14. Трубицын Д.В. Условия и необходимость естественнонаучного понимания проблемы модернизации // *Вестник Бурятского университета. Серия 8. Вып. 3. Улан-Удэ, 2006. С. 240 – 248.*
15. Трубицын Д.В. Идея «многофакторности» исторического процесса и проблема модернизации Востока // *Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2007. № 1. С. 70 – 74.*
16. Трубицын Д.В. Культурный детерминизм в концепции модернизации: философско-методологический анализ // *Вопросы философии*. 2009. № 8. С. 39 – 55.
17. Dorogavtseva I., Trubitsyn D. *Holprige Wege in die Moderne: Russland und China // Welttrends: Zeitschrift fur internationale Politik. Universitatsverlag Potsdam, 2008. Nr. 60. S. 61 – 73.*
18. Иванов Ю. О глобальном международном сопоставлении ВВП по 146 странам мира // *Вопросы экономики*. М., 2007. № 5. С. 22 – 35.
19. Фрейнкман Л., Дашкеев В. Россия 2007 г.: риски и замедление экономического роста на фоне сохраняющейся институциональной стагнации // *Вопросы экономики*. М., 2008. № 4. С. 75 – 93.
20. Григорьев Л., Плаксина С., Салихов М. Посткризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций // *Вопросы экономики*. М., 2008. № 4. С. 25 – 43.
21. Сенчагов В. Стратегия развития России: ориентиры и ограничения // *Вопросы экономики*. М., 2008. № 8. С. 119 – 130.
22. Российская промышленность на перепутье: что мешает нашим фирмам стать конкурентоспособными: Доклад ГУ ВШЭ // *Вопросы экономики*. М., 2007, № 3. С. 4 – 34.
23. Клинов В. *Мировая экономика: прогноз до 2050 г. / Вопросы экономики*. М., 2008. № 5. С. 62 – 79.
24. Мау В. *Экономическая политика 2007 года: успехи и риски // Вопросы экономики*. М., 2008. № 2. С. 4 – 25.
25. Образцова О., Чепуренко А. Развитие российского частного предпринимательства в межстрановом сопоставлении // *Вопросы экономики*. М., 2008. № 8. С. 91 – 107.

26. Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. М., 2008. № 4. С. 61 – 74.
27. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. М., 2007. № 7. С. 4 – 27.
28. Гуриев С., Егоров Г., Сонин К. Свобода прессы, мотивация чиновников и «ресурсное проклятие»: теория и эмпирический анализ // Вопросы экономики. 2007. № 4. С. 4 – 24.
29. Кудров В. Производительность труда в промышленности России, США, Германии, Франции, Великобритании // Вопросы экономики. 1999. № 8. С. 112 – 123.